

Химические войска и Химическая служба в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Chemical Troops and Chemical Corps during the Great Patriotic War (1941–1945)

22 июня 1941 г. фашистская Германия развязала войну против СССР. Великая Отечественная война явилась суровой проверкой организационной структуры и технического оснащения химических войск, а также предвоенных взглядов на их боевое применение.

Для достижения стратегических целей войны руководство фашистской Германии намеревалось использовать все известные к тому времени средства вооруженной борьбы, в том числе и химическое оружие. Так, в мае 1939 г. на совещании высших руководителей фашистской Германии Гитлер заявил «Договоры и право – ерунда... Любое оружие имеет решающее значение только тогда, когда его не имеет враг. Это относится к газам, подводному флоту и авиации...».

К началу войны против СССР промышленность Германии значительно увеличила производство химических боеприпасов, заблаговременно обеспечив ими войска. Так, докладывая начальнику генерального штаба сухопутных войск немецко-фашистской армии генерал-полковнику Ф. Гальдеру 25 марта 1941 г. о состоянии немецкой химической службы, генерал-квартирмейстер Вагнер сообщал: «К 1 июня мы будем иметь 2 млн химических снарядов для легких полевых гаубиц и 500 тыс. снарядов для тяжелых полевых гаубиц... Со складов химических боеприпасов может быть отгружено: до 1 июня по шесть эшелонов химических боеприпасов, а после 1 июня – по десять эшелонов в день. Для ускорения подвоза в тылу каждой группы армий будут поставлены на запасные пути по три эшелона с химическими боеприпасами...».

Химические войска (химические минометные батальоны и полки) были включены гитлеровским командованием в состав армии вторжения с самого начала войны. Уже в июле 1941 г. в боях под Псковом советские войска захватили документы штаба 2-го батальона 52-го химического минометного полка немецко-фашистской армии. Среди этих документов находились инструкции с описанием состоявших на вооружении средств химического нападения и с изложением так-

тических принципов их боевого применения. Более того, было установлено, что немецко-фашистские войска имели условный пароль «Индантрен», с поступлением которого войска могли применять химическое оружие. Поэтому в сообщении Совинформбюро от 22 июля 1941 г. указывалось: «Захваченные частями Красной Армии секретные документы с исчерпывающей полнотой доказывают, что германский фашизм втайне готовит новое чудовищное злодеяние – широкое применение отравляющих веществ. В составе действующих германских войск имеются специальные химические части по отравляющим веществам».

В период коренного перелома в ходе войны в пользу СССР и всей антигитлеровской коалиции (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.), когда стала очевидной перспектива полного разгрома немецко-фашистской армии, ее командование не отказалось от коварных планов применения химического оружия на восточном фронте. Это подчеркивалось в директиве Ставки ВГК Красной Армии от 7 июня 1943 г.: «В немецком командовании имеется достаточно авантюристов, которые, рассчитывая застать нас врасплох, могут решиться на отчаянную авантюру и применить средства химического нападения против нас».

В последующие годы войны советское командование неоднократно получало подтверждение того, что немецко-фашистское руководство не отказывалось от планов применения химического оружия на восточном фронте. При вступлении наших войск на территорию Германии было установлено, что подготовка к применению химического оружия против Красной Армии не прекращалась до последних дней войны. В специальных научно-исследовательских учреждениях разрабатывались новые быстродействующие отравляющие вещества, эффективность которых проверялась на советских военнопленных и узниках концентрационных лагерей. На тщательно замаскированных химических предприятиях, вплоть до захвата их советскими и союзными войсками, не пре-

кращалось производство отравляющих веществ и снаряжение ими авиационных бомб, артиллерийских снарядов и мин. На некоторых аэродромах нашими войсками были захвачены склады химических авиационных бомб, подготовленных к применению. Только на складе завода в районе Дессау советскими войсками было захвачено свыше 243 тыс. химических снарядов, более 25 тыс. химических фугасов и 1248 т отравляющих веществ в других оболочках и емкостях.

Таким образом, первой и главной задачей химической службы с началом войны являлась организация противохимической защиты войск.

Задачи успешного удержания обороняемых рубежей зависели от химической службы и химических войск. Это определило всю деятельность химической службы и боевое использование химических войск в войне.

Выполнение этой задачи потребовало постоянного ведения химической разведки противника, обеспечения войск средствами противохимической защиты и обучения правильному пользованию ими, поддержания химических войск в постоянной готовности к проведению мероприятий по ликвидации последствий применения химического оружия.

При выполнении задач химической разведки противника особенно значительной была роль подразделений и частей химической защиты. Благодаря самостоятельным действиям их разведывательных подразделений, а также в составе общевойсковой разведки, нередко проникавшей в расположение немецко-фашистских войск на глубину 20–25 км и более, советское командование своевременно получало сведения о наличии и передислокации химических частей противника и о степени их подготовки к применению химического оружия. Захват образцов химических боеприпасов и средств противохимической защиты немецко-фашистской армии позволял установить тип отравляющих веществ и вероятные способы их применения.

Весьма ценные сведения добывались химическими разведывательными подразделениями на территории, освобожденной от противника. Так, при проведении Дебреценской операции химическими разведывательными отрядами 46-й армии (начальник химического отдела полковник Б.Д. Пашков) 19 октября 1944 г. на северо-западной окраине г. Сегед был обнаружен склад, в котором хранились бочки с ипритом и снаряженные им химические фугасы.

Возглавляемая командиром 24 обхз майором С.Ф. Шлык химическая разведыватель-

ная группа провела разведку крупного завода, производившего отравляющие вещества, и химического центра западнее г. Будапешта. При этом она установила, что более 1 тыс. бочек с отравляющими веществами, 1,5 тыс. ядовито-дымных шашек и большое количество химических снарядов, мин и бомб при приближении наших войск были вывезены противником в Австрию. Только с июля 1943 г. до конца войны разведчиками подразделений и частей химической защиты 2-го Украинского фронта (начальник химического управления генерал-майор технических войск А.В. Бабушкин) была разведана территория 10167 городов, населенных пунктов и железнодорожных станций, обнаружено 358 химических складов, захвачено и изучено более 500 образцов химического вооружения и средств противохимической защиты противника.

Химическими разведывательными группами 1-го Украинского фронта (начальник химического управления полковник, с 20.04.45 г. – генерал-майор технических войск П.Г. Вершинин) у г. Дихернфурта был обнаружен завод по производству нового для того времени быстродействующего отравляющего вещества табун. В районе г. Берлина химической разведкой были обследованы многочисленные военно-химические объекты – заводы, производившие ОВ, химические склады, научно-исследовательские учреждения, связанные с работами в области военной химии.

По окончании войны только на территории, занятой советскими войсками в Германии, было обнаружено и подлежало уничтожению: 393436 химических снарядов различных калибров, 149485 химических авиационных бомб, 33802 химических фугасов и реактивных снарядов, 6854 тонны отравляющих веществ в различных емкостях.

Таким образом, части и подразделения химической защиты, осуществляя химическую разведку противника, сыграли важную роль в поддержании высокой готовности наших войск к противохимической защите на протяжении всей войны.

Развертывание химических войск с началом войны проходило в необычайно трудных условиях. Техническая реконструкция, начатая перед войной, не была завершена. Обеспеченность даже кадровых частей и подразделений химической защиты новой дегазационной техникой была низкой.

С началом войны Управление химической защиты РККА было переведено на штаты военного времени, а в августе 1941 г. переименовано в Главное военно-химическое управ-

ление Красной Армии (ГВХУ КА). Управление было подчинено Верховному Главнокомандующему Вооруженных Сил СССР. В 1942 г. его возглавил генерал-лейтенант артиллерии В.В. Аборенков. Заместителями начальника ГВХУ были назначены полковники А.С. Кубасов, А.П. Лебедев, а с июля 1942 г. – И.Ф. Чухнов. С переходом на штаты военного времени химические отделы фронтов имели в своем составе 5 офицеров. Затем в ряде фронтов, действовавших на главных направлениях, они были преобразованы в управления численностью до 15 человек. Химические отделы армий насчитывали 6 человек. В годы Великой Отечественной войны химические управления (отделы) фронтов возглавляли А.А. Андрианов, А.В. Бабушкин, И.И. Берлин, А.С. Ботвиник, И.А. Букин, П.Г. Вершинин, А.Г. Власов, Ш.Д. Джексенбаев, В.С. Довгаль, М.Ф. Доронин, П.А. Ильменский, И.А. Карпенко, А.Н. Кислов, Н.В. Кузнецов, К.А. Курицин, А.Т. Мозговой, А.П. Лебедев, В.Я. Минин, Ф.К. Михайлус, Н.И. Озерский, Д.Е. Петухов, А.Е. Полянский, С.И. Родионов, Ф.Н. Серебренников, Б.А. Стеблев, К.П. Степанов, Н.Ф. Успенский, М.И. Фельдман, И.И. Филиппов, К.Н. Шальков и др.

Химические управления и отделы фронтов (армий) являлись главными организаторами химической разведки, боевого применения огнеметно-зажигательных и дымовых средств, снабжения войск химическим имуществом. В соответствии с этим начальники управлений и отделов имели двух помощников по оперативно-разведывательной работе и военно-химическому снабжению.

В корпусах, дивизиях, бригадах, полках и отдельных батальонах (дивизионах) химическая служба была представлена соответствующими начальниками, а в дивизиях – и их помощниками по снабжению.

Начальники химической службы значительной части кадровых соединений были из числа офицеров, окончивших Военную академию химической защиты. Но во вновь сформированных частях эти должности в подавляющем большинстве укомплектовывались офицерами запаса, многие из которых, имея удовлетворительную теоретическую подготовку, не имели опыта работы в войсках. Поэтому с первых месяцев войны уделялось большое внимание подготовке старшего и среднего командного состава химических войск.

Военная академия химической защиты с началом войны перешла на сокращенные сроки обучения слушателей (6–9 месяцев). Одновременно при ней была развернута сеть

краткосрочных курсов по подготовке и переподготовке различных категорий офицеров химической службы.

По мере сокращения некомплекта офицерских должностей в войсках, академия увеличивала сроки обучения слушателей на командном факультете. Так, в октябре 1942 г. они были доведены до 11 месяцев, а в феврале 1943 г. – до 1 года.

На инженерном факультете, наряду с подготовкой слушателей по сокращенным срокам обучения, учебный процесс велся и по четырехлетним учебным планам. Один из курсов был укомплектован женщинами.

Победа Красной Армии на фронте позволила в конце 1943 г. увеличить сроки обучения в академии до 5 лет 8 месяцев.

В годы войны начальниками академии были: военинженер 1 ранга Ю.А. Клячко (1941–1942), полковник А.Н. Кислов (1942–1943), а с ноября 1942 г. – генерал-майор технических войск Д.Е. Петухов.

Младший офицерский состав химических войск и химической службы готовился в военных училищах химической защиты: Калининском, начальником которого в январе 1942 г. был назначен генерал-майор технических войск П.Г. Мельников; Харьковском, сформированном на базе химических курсов усовершенствования командного состава РККА в мае 1941 г., начальниками которого в разные годы были полковники В.Т. Алексеев, П.Г. Вершинин, генерал-майор технических войск А.А. Андрианов; Вольском училище, сформированном на базе 1-го Бердичевского пехотного училища в мае 1941 г., возглавляемый полковником, с апреля 1943 г. генерал-майором технических войск М.Ф. Дорониным. В конце 1943 г. Вольское училище было преобразовано в Высшую офицерскую школу технических войск.

В начале Великой Отечественной войны были созданы курсы усовершенствования офицерского состава родов войск, в том числе Высшая офицерская техническая школа РККА, которые проводили переподготовку офицеров-фронтовиков, получивших боевой опыт. Начальником школы был назначен генерал-майор технических войск П.А. Ильменский.

В начале 1943 г. в Подмоскowie на базе одного из запасных (учебных) огнеметных батальонов было создано огнеметное училище, которое готовило офицерские кадры для огнеметных частей. Начальником училища являлся полковник А.В. Степанов.

Подготовка специалистов-химиков рядового и сержантского состава с первых месяцев войны была развернута при запасных

стрелковых бригадах. Однако в связи с недостатками такого обучения (отсутствие материальной базы, опытных командиров-методистов и т.д.), с конца 1941 г. подготовка осуществлялась в запасной (учебной) бригаде химической защиты. С января 1942 г. в большинстве крупных гарнизонов были созданы учебно-химические пункты, также готовившие специалистов-химиков рядового состава.

Для обеспечения кадрами огнеметных частей в действующей армии и вновь формируемых отдельных рот фугасных огнеметов в августе 1941 г. были развернуты запасные огнеметные батальоны.

Однако развернутая сеть запасных путей в тылу не всегда удовлетворяла потребности войск в специалистах-химиках. Поэтому подготовка кадров велась также и в действующей армии при фронтовых запасных частях и даже в подразделениях.

В течение войны химическая служба организовывала и проводила обучение личного состава пользованию средствами защиты, индикации и дегазации отравляющих веществ. Противохимическая подготовка была обязательным предметом программ боевой подготовки солдат всех военно-учетных специальностей. На нее, в зависимости от сроков формирования маршевых подразделений, отводилось от 4 до 30 учебных часов. Основное внимание уделялось практическим занятиям: действиям в средствах защиты, тренировкам на продолжительность пребывания в противогазах. Начиная с августа 1941 г. в войска поступало большое количество кратких и популярных пособий в виде памяток, инструкций, указаний. Широкое распространение получили «Памятка красноармейцу о Противохимической обороне», «Работа начальника химической службы части в бою», «Противохимическая защита бойца» и т.д.

В действующей армии переподготовка и доподготовка личного состава велась в частях, выведенных на переформирование, находившихся во вторых эшелонах, а в тыловых – с параллельным исполнением функциональных обязанностей. Такой подход вполне себя оправдал. Например, в период подготовки и проведения Белорусской операции в июне-июле 1944 г. в ряде частей 1-го Белорусского фронта химическую подготовку прошло 78–80 % личного состава (без учета ранее подготовленных).

Введенная в действие в августе 1942 г. «Временная инструкция по обеспечению противохимической защиты войск службами Красной Армии» возлагала на химиче-

скую службу задачу обеспечить дегазацию оружия, боевой техники, обмундирования, снаряжения и отдельных участков местности. Основная трудность при этом заключалась в недостатке табельной дегазационной техники, что привело к массовому использованию различных упрощенных и подручных средств.

Захваченные в конце июля 1941 г. немецкие документы, свидетельствовавшие о готовности к развязыванию химической войны, ускорили организационные и практические мероприятия по реорганизации химической службы и химических войск. Приказом НКО от 13.08.1941 г. запрещалось использовать подразделения химической защиты и офицеров-химиков не по прямому их назначению и предписывалось принять меры для полного укомплектования этих подразделений. Подразделения химической защиты получили новые наименования, полнее отражавшие их предназначение. Дегазационная рота стрелковой дивизии стала называться отдельной ротой химической защиты (орхз). Она предназначалась для ведения химической разведки, помывки (санитарной обработки) личного состава, дегазации боевой техники, обмундирования и дорог. Рота имела средства разведки (сумки химика-разведчика СХР-3), полевую Химическую лабораторию ПХЛ, технические средства для помывки личного состава, дегазации боевой техники и обмундирования, а также дегазации местности сыпучим дегазатором.

Полковой взвод химической обороны был переименован во взвод химической защиты и предназначался для ведения химической разведки и дегазации боевой техники. Взвод имел сумку химика-разведчика и конно-дегазационную повозку, впоследствии замененную автодегазационной машиной АДМ.

Одновременно подверглись реорганизации части химической защиты РВГК. Вместо существовавших ранее батальонов (дегазационных и противохимической обороны) были развернуты универсальные отдельные батальоны химической защиты (обхз). Батальон включал в себя взвод разведки, три однотипных роты дегазации местности жидким и твердым дегазатором и роту боевого обеспечения. К 1 сентября 1941 г. было сформировано 39 таких батальонов, к 1 мая 1942 г. их количество доведено до 55, а к концу войны – до 77.

Недостаток в ранцевых огнеметах (РОКС-2) не позволил к началу войны укомплектовать огнеметные команды стрелковых полков. Впоследствии эти команды были расформированы.

В связи с расформированием в июле 1941 г. механизированных корпусов и танковых дивизий, входившие в их состав огнемётно-танковые батальоны и роты были преобразованы в отдельные части, танки которых, кроме пушек, имели огнемёты АТО-41 (вместо курсового пулемёта). До лета 1942 г. эти части не имели постоянных штатов.

В начале войны постановлением ГКО на вооружение химических войск был принят фугасный огнемёт ФОГ-1, предназначавшийся для усиления противотанковой и противопехотной обороны. Вскоре началось формирование отдельных рот фугасных огнемётов (орфо), состоявших из трех взводов по 60 огнемётов в каждом, всего 180 ФОГ-1 в роте. Рота перемещалась гужевым транспортом.

Тяжело сказались на обеспечении войск химическим имуществом неудачи Красной Армии в начальном периоде войны. Часть созданных мобилизационных запасов средств ПХЗ оказалась на временно оккупированной территории или была уничтожена при бомбежках и пожарах на прифронтовых окружных и войсковых складах. Много химического имущества войска потеряли при отходе. Промышленность же, производившая эти средства и специальную технику, расположенная в основном в центральных и южных районах страны, временно прекратила выпуск продукции в связи с перебазированием в восточные районы. Такое же положение было со снабжением частей огнемётным вооружением.

Поэтому большое место в практической деятельности химической службы Красной Армии занимали вопросы снабжения химическим имуществом. Уже в течение первого года войны ГВХУ КА проделало колоссальную работу, определив общие потребности армии во все виды химического имущества и вооружения, а также по размещению необходимых заказов в перестраивающейся на военный лад промышленности. Что касается войскового снабжения, то основные мероприятия, проводившиеся в 1941–1942 гг., были направлены на установление единой централизованной системы снабжения, на разгрузку войск от излишествующего химического имущества и на максимальное снижение его потерь. Учитывая конкретные условия войны, в частях были оставлены лишь противогазы и приборы химической разведки. В то же время на армейских и фронтовых складах создавались большие запасы средств защиты и другого химического имущества, которые полностью обеспечили бы войска в случае развязывания химической войны.

Несмотря на большие трудности, промышленные предприятия уже в первые недели войны сумели наладить производство упрощённых образцов специальной техники. В августе 1941 г. в войска стали поступать во все возрастающих количествах подвесные дегазационные приборы (ПДП) к транспортным бортовым автомобилям, позволявшие быстро компенсировать нехватку специальных машин (АХИ) в дегазационных подразделениях, а также другое имущество.

С 1943 г. резко возросли масштабы обеспечения войск огнемётно-зажигательными и дымовыми средствами, а сама система химического снабжения со второго полугодия начинает совершенствоваться в плане повышения маневренности, отвечающей условиям наступательных действий.

Заключительные операции 1945 года потребовали ещё большего напряжения в работе органов снабжения. Это было вызвано широким использованием огнемётно-зажигательных и дымовых средств всеми родами войск в наступательных операциях, а также возросшей угрозой применения противником химического оружия в связи с приближением окончания войны. Так, в войсках только 1-го Украинского фронта в период Берлинской операции находилось до 750 вагонов химического имущества. Приближение всех органов снабжения к войскам, выделение подвижных отделений складов, летучек обеспечивало бесперебойное снабжение соединений и частей химическим имуществом в условиях скоротечных маневренных действий.

В 1943 году на вооружение были приняты новые, более простые дегазационные средства: дегазационный комплект для дегазации вооружения и материальной части ДК-1, групповой дегазационный комплект ГДК, подвесной дегазационный комплект для дегазации местности сыпучими дегазаторами ПДМ-2, дегазационный комплект для дегазации обмундирования и снаряжения ДК-ОС. При этом непосредственно в войсках по разосланным чертежам стали изготавливаться ПДМ-2 и ДК-ОС. И хотя эти приборы были несовершенными, тем не менее они существенно повышали возможности частей по ликвидации последствий вероятных химических ударов противника. На развертываемых санитарно-дегазационных пунктах в течение суток можно было в случае необходимости обрабатывать 30–40 % оружия, 20–25 % и более обмундирования, имевшегося в войсках фронта.

Итак, химическая служба и войска химической защиты проделали огромную работу, направленную на сохранение жизни

десяткам миллионов советских людей в случае развязывания немецко-фашистской армией химической войны. Известно, что одним из первостепенных факторов, предотвративших развязывание гитлеровцами химической войны, явилась высокая степень готовности советских войск к противохимической защите, не оставлявшая немецко-фашистскому командованию надежд на достижение внезапности нападения и массового поражения войск отравляющими веществами.

К началу войны на вооружении огнеметных подразделений и частей Красной Армии состояли ранцевый огнемет РОКС-2 (ранцевый огнемет конструкторов Ключева и Сергеева второго образца) и автоматический танковый огнемет АТО-41. Кроме того, в приграничных укрепленных районах и в арсеналах сохранилось незначительное количество огнеметов старых образцов (системы Товарницкого, СПС и др.). Фугасные огнеметы ФОГ-1 готовились к принятию на вооружение.

Ранцевый огнемет РОКС-2 был принят на вооружение в ноябре 1940 г. Однако его массовое производство было налажено только к весне 1942 года. Поэтому осенью 1941 года подразделения ранцевых огнеметов (огнеметные команды стрелковых полков) были упразднены. Подразделения ранцевых огнеметов были восстановлены по указанию Ставки ВГК в мае-июне 1942 г. в виде отдельных рот ранцевых огнеметов (орро) трехвзводного состава. Рота имела 120 ранцевых огнеметов. В июне 1943 г. большинство рот было переформировано в отдельные батальоны ранцевых огнеметов (обро). Батальон состоял из двух огнеметных и одной автотранспортной роты и насчитывал 240 ранцевых огнеметов. Батальоны использовались для усиления стрелковых частей и соединений при прорыве укрепленных районов противника и в крупных городах. Часть обро в середине 1944 г. была включена в состав штурмовых инженерно-саперных бригад.

В начале войны огнеметные танки были изъяты из танковых частей и соединений, за счет чего летом 1942 года сформированы пять отдельных огнеметно-танковых батальонов (10 танков КВ и 11 Т-34 в каждом) и одна отдельная огнеметно-танковая бригада РВГК трех батальонного состава (69 танков). Кроме того, в 1944 году в составе штурмовых инженерно-саперных бригад были созданы огнеметно-танковые полки.

Формирование частей фугасных огнеметов началось в августе 1941 г. К концу

сентября было сформировано пятьдесят отдельных рот фугасных огнеметов (орфо), а к январю 1942 г. – еще 93 роты, предназначенных для усиления стрелковых частей и соединений в противотанковом отношении. В связи с низкой маневренностью рот (180 фугасных огнеметов и имущество орфо перевозились на 82 пароконных повозках) в январе 1942 г. в их штат было введено по 5 грузовых автомобилей (ЗИС-5), а количество огнеметов сокращено до 135 единиц.

Дальнейший опыт боевого применения частей и подразделений фугасных огнеметов показал целесообразность их массированного применения на значительных по протяженности огневых рубежах. Это привело к укрупнению частей фугасных огнеметов. В середине 1943 года из имевшихся отдельных рот фугасных огнеметов было начато формирование батальонов двух типов – отдельных моторизованных противотанковых огнеметных батальонов (омптоб) и отдельных огнеметных батальонов (ооб).

Омптоб состоял из трех огнеметных и автотранспортной роты. В связи с тем, что в боевой практике батальону часто приходилось решать задачи самостоятельно, без прикрытия пехотой ее огневыми средствами, в декабре 1943 г. в его состав была введена пулеметная рота, имевшая на вооружении 9 станковых пулеметов. Всего в батальоне имелось 540 фугасных огнеметов и 72 автомобиля.

Ооб состоял из трех рот по 216 огнеметов в каждой и подразделений обеспечения. Для транспортировки огнеметов и имущества батальон имел по штату 27 автомобилей и конный транспорт (45 лошадей).

Огнеметные батальоны предназначались для уничтожения огнеметанием танков и живой силы противника. Все огнеметные части входили в резерв Ставки ВГК и придавались фронтам для усиления стрелковых войск.

Впервые подразделения фугасных огнеметов были применены массированно в ходе обороны на дальних и ближних подступах к Москве (октябрь-ноябрь 1941 г.). В этот же период выработаны наиболее рациональные способы применения фугасных огнеметов и построение боевых порядков подразделений. Боевой опыт привел к созданию «огнеметных кустов», представляющих собой обычный стрелковый окоп полного профиля с легким перекрытием и ходом сообщения, ведущим в траншею. Около окопа на расстоянии от 1 до 4 м устанавливались 5–8 огнеметов с направлением огнеметания на наиболее вероятные пути движения танков и пехоты противника,

а также в сторону соседних огнеметных «кустов» и в тыл для создания сплошного огневого поля.

«Огнеметные кусты» оборудовались на расстоянии 100–200 м один от другого по фронту и в глубину, исходя из возможной максимальной дальности огнеметания. Каждый «огнеметный куст» мог вводиться в действие самостоятельно или же совместно с соседними.

Отдельные случаи применения огнеметных рот децентрализованно при ведении оборонительных действий осенью 1941 г. оказались нецелесообразными. Централизованное использование огнеметных рот обеспечивало массирование и достаточно широкий фронт огневого прикрытия. Роты располагались на огневых позициях в один-два эшелона. Одноэшелонный боевой порядок роты строился в линию, углом назад (вперед), уступом за одним из флангов. Огнеметная рота могла прикрыть фронт протяженностью 1500–2000 м.

Боевые порядки огнеметных батальонов были идентичны ротным. Один батальон мог создать зону сплошного огнеметания на фронте до 3,0–3,5 км при глубине боевого порядка 400–800 м.

В ходе наступления (при ведении боевых действий в крупных населенных пунктах и городах), а также при выполнении специальных задач (поджог огневых заграждений и различных объектов, участие в засаде, уничтожение отдельных целей и т.д.) боевой опыт показал возможность децентрализованного применения фугасных огнеметов.

В первых же боях отдельные роты фугасных огнеметов хорошо себя зарекомендовали при решении следующих задач – обеспечение стыков и флангов соединений, усиление противотанковой обороны на танкоопасных направлениях в глубине наших боевых порядков, поджог различных объектов.

Подразделения ранцевых огнеметов первую боевую проверку получили в период битвы под Сталинградом. Опыт показал, что централизованное боевое использование этих подразделений при проведении контратак нецелесообразно из-за малой дальности поражения противника огнеметанием. В то же время был достигнут хороший результат при включении отдельных огнеметчиков или мелких групп в состав стрелковых подразделений. Такое применение ранцевых огнеметов, как правило, было весьма эффективным и оказывало большое содействие пехоте в условиях уличных боев среди завалов и разрушений.

Роты и батальоны ранцевых огнеметов использовались, как правило, на направлении сосредоточения основных усилий (главных ударов) соединений, путем подчинения их в полном составе (в ряде случаев поротно и повзводно) общевойсковым командирам.

Оперативно-тактические принципы и способы боевого применения огнеметных частей в основном сложились к концу 1943 г. и предусматривали:

1. Массированное применение на главном направлении фронта и армии.

2. Тесное взаимодействие с другими родами войск и видами огневого поражения.

3. Эшелонирование по глубине боевого порядка соединений (частей), а также оперативного построения фронта (армии).

В тактике боевого использования частей фугасных огнеметов имели место различные тактические формы:

- боевые действия в боевых порядках стрелковых частей;

- боевые действия в составе артиллерийско-противотанковых резервов;

- самостоятельные боевые действия огнеметных частей.

Боевые действия совместно со стрелковыми подразделениями (частями) были наиболее распространенной формой тактического применения частей фугасных огнеметов в годы войны. В этом случае огнеметные роты (батальоны) придавались частям или соединениям. Действуя совместно со стрелковыми подразделениями, огнеметные части опирались на огневую мощь пехоты и поддерживающую ее артиллерию, прикрывались общей системой противотанковых и противопехотных заграждений и, тесно взаимодействуя с другими огневыми средствами, могли наиболее эффективно применить огнеметы. С другой стороны, подразделения и части, в боевых порядках которых размещались огнеметные подразделения, могли в полной мере и своевременно использовать результаты и моральное воздействие огнеметного залпа для проведения решительных контратак.

Применение частей фугасных огнеметов в составе артиллерийско-противотанкового резерва также получило достаточно широкое распространение, особенно в конце Великой Отечественной войны. Сущность этой формы тактического применения состояла в том, что приданные резервам огнеметные части не занимали заблаговременно каких-либо районов обороны, а оставались в резерве командиров соединений и включались в состав артиллерийско-противотанкового резерва. Если позволяла обстановка, то на вероятных

рубежах огнеметания производилась рекогносцировка, а в ряде случаев отрывались лунки для установки огнеметов.

Самостоятельные боевые действия огнеметными частями велись на незанятых другими частями и подразделениями участках местности. Огнеметная часть получала район, где самостоятельно вне системы позиций другой части (подразделения) организовывала и вела бой. Обычно этот район находился на флангах или стыках воинских частей и соединений.

Опыт Великой Отечественной войны показывает, что части и подразделения фугасных огнеметов в обороне могли выполнять весьма разнообразные задачи, основными из которых были:

- поражение живой силы и боевой техники противника при атаке переднего края нашей обороны и при прорыве его в глубину обороны;
- прикрытие стыков и флангов обороняющихся частей, соединений и объединений (группировок);
- прикрытие танкоопасных направлений в глубине нашей обороны;
- прикрытие огневых позиций артиллерийских групп; усиление частей на армейских отсечных позициях;
- действие в составе артиллерийско-противотанкового или подвижного резерва фронта (армии) и т.д.

Каждая из этих задач в зависимости от времени года, характера местности, условий ведения обороны и других факторов имела свои особенности.

Фугасные огнеметы, принятые на вооружение в начале войны в период оборонительных сражений Красной Армии на всем советско-германском фронте, предназначались для усиления противотанковой и противопехотной обороны. Предназначение определялось не только тактико-техническими характеристиками оружия, а главным образом задачами, которые решались войсками в первые месяцы войны.

С переходом наших войск к наступательным действиям возникла потребность определить задачи частям фугасных огнеметов в наступлении. Боевого опыта использования в наступательном бою фугасных огнеметов не было. Громоздкость огнеметов и несовершенный способ их перемещения на поле боя в непосредственном соприкосновении с противником (переноска на руках), а также значительное время подготовки огнемета к выстрелу (закапывание в грунт) осложняли практическое решение этого вопроса.

Боевой опыт войны, а также опытные учения, проведенные в 1942 г. Главным военно-химическим управлением Красной Армии, позволили установить некоторые положения по наиболее целесообразному применению огнеметных частей. В последующем по мере накопления опыта выявились новые возможности частей и подразделений фугасных огнеметов в бою. Это позволило со второй половины 1943 г. и в последующем постоянно и активно привлекать огнеметные части для решения самых различных задач в наступательных операциях.

Наиболее часто решаемыми задачами в наступлении были:

- обеспечение стыков и флангов ударных группировок (соединений и частей) в исходном для наступления положении и в ходе наступления;
- закрепление достигнутых рубежей;
- обеспечение боевых действий стрелковых частей в ходе наступления;
- закрепление (оборона) плацдармов;
- огнеметная подготовка атаки.

В зависимости от задач, решаемых общевойсковыми соединениями, которым придавались огнеметные части, а также от задач, поставленных огнеметным батальонам (ротам), определялось место огнеметчиков в оперативном (боевом) порядке.

Огнеметные части могли быть использованы на главном или второстепенном направлении, в первом или последующих эшелонах соединений, а также в составе резервов.

В боях за крупные населенные пункты с прочными постройками успешные атаки стрелковых подразделений в значительной степени обеспечивались действиями огнеметных подразделений. Это происходило потому, что применение артиллерии и танков для поддержки атаки в ряде случаев исключалось в связи с невозможностью подвести их к атакуемому объекту из-за завалов и разрушений, а также из-за противодействия противника, выводившего из строя гранатами и бутылками с горючей смесью из укрытий и верхних этажей зданий. Цели надежно подавлялись огнеметчиками, которые могли переносить свое оружие через завалы, в проломы зданий, спускать в подвалы или поднимать на верхние этажи. Горящая огнесмесь, проникавшая в атакуемый объект, даже не нанеся поражения людям, вызывала замешательство противника, воспламеняла горючие материалы, что приводило к задымлению. Загоревшиеся объекты, как правило, оставались противником.

Отдельные батальоны фугасных огнеметов, как правило, использовались центра-

лизованно и предназначались для обеспечения стыков и флангов соединений и объединений, удержания захваченных рубежей и плацдармов, отражения контратак и контрударов противника совместно со вторыми эшелонами, уничтожения (выжигания) гарнизонов долговременных огневых сооружений и укрепленных зданий при ведении боевых действий в крупных городах, а также в составе подвижных отрядов заграждения.

Отдельные роты и батальоны ранцевых огнеметов, обладавшие высокой маневренностью, использовались децентрализованно в составе штурмовых групп и отрядов. На них возлагались задачи выжигания гарнизонов противника из долговременных огневых сооружений и укрепленных зданий, блокирования опорных пунктов противника и борьбы с танками, штурмовыми орудиями и бронетранспортерами. Особо успешными были действия ранцевых и фугасных огнеметов в уличных боях, где они показали высокую боевую эффективность и порой незаменимость в решении ряда задач. Помимо потерь в живой силе и боевой технике, огнеметчики наносили противнику большой моральный урон, о чем свидетельствуют многие случаи панического бегства гитлеровцев из опорных пунктов и укреплений, по которым производилось огнеметание.

При штурме Берлина части и подразделения фугасных огнеметов, приданные соединениям, частям и подразделениям, использовались в большинстве случаев децентрализованно, действуя в штурмовых группах стрелковых подразделений. По указаниям командиров стрелковых подразделений (командиров штурмовых групп) огнеметчики производили огнеметание по огневым точкам, а также поджигали здания, выжигали противника из подвалов, развалили домов, заставляя гитлеровцев покидать подожженные объекты.

Об эффективности огнеметного вооружения и отваге огнеметчиков свидетельствуют многочисленные примеры боевых действий.

Наиболее показателен опыт действий подгрупп огнеметчиков под командованием лейтенанта В.В. Мясникова.

23 апреля к р. Шпре в районе моста Обербаумбрюкке прорвались подразделения 1373-го стрелкового полка 416-й стрелковой дивизии. Немецкий гарнизон занимал оборону в прочных каменных зданиях на противоположной стороне реки. Обербаумбрюкке – большой железобетонный двухъярусный мост. На его втором ярусе были проложены

рельсы наземной линии метрополитена; нижний ярус имел, как и всякая улица, проезжую часть и пешеходные дорожки. Фашисты не успели полностью разрушить мост; был поврежден в двух местах верхний ярус, что вызвало завалы на пешеходной части моста и на полосе для автотранспорта.

Штурмовой отряд 1373-го стрелкового полка трижды пытался овладеть мостом, но имел ограниченный успех.

В ночь на 24 апреля командир огнеметного взвода лейтенант В.В. Мясников получил задачу перейти мост и выжечь фашистов из близстоящих зданий. В бою лейтенант В.В. Мясников был ранен, но продолжал руководить боем.

За мужество и героизм, проявленные при захвате и удержании моста через р. Шпре в Берлине, командиру огнеметного взвода 8-го отдельного огнеметного батальона лейтенанту Мясникову Владимиру Владимировичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1972–1990 гг. генерал-полковник В.В. Мясников был начальником Военной академии химической защиты имени Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко.

Выйдя в отставку в 1990 г., продолжил работу в ветеранских организациях.

В 2024 г. Союз ветеранов войск РХБ защиты провел ряд мероприятий, посвященных 100-летию со дня рождения Героя Советского Союза генерал-полковника В.В. Мясникова.

Наиболее успешными были действия подразделений ранцевых огнеметов в уличных боях. Действуя в составе штурмовых групп, огнеметчики проникали в проломы и на верхние этажи зданий, в тыл противника по подземным коммуникациям, в подвалы и другие труднодоступные места. Например, при штурме в г. Познань проявили смекалку и мужество огнеметчики 41-го отдельного Пражского батальона ранцевых огнеметов (командир батальона капитан Н.К. Манин), помощник командира взвода ранцевых огнеметов сержант Н.Д. Хитров и огнеметчик рядовой Н.И. Попов. Под обстрелом противника они врывались в укрепленные здания и, производя огнеметание на ходу, уничтожали гитлеровцев. При штурме одного из костелов огнеметчики, действуя в паре, взорвали входную дверь и, ворвавшись внутрь, уничтожили огнеметанием до 25 гитлеровцев, а 175 взяли в плен. За умелые действия в составе штурмовой группы и проявленные при этом мужество и героизм сержанту Н.Д. Хитрову и рядовому Н.И. Попову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Помимо рассмотренных примеров боевых действий подразделений и частей фугасных огнеметов они использовались и при выполнении других задач: обеспечении разведывательных действий; уничтожении (поджоге) огневых точек, блиндажей, строений; воспламенении огневых заграждений; проделывании проходов в инженерных заграждениях; применении в засадах; создании огнеметных заграждений; введении противника в заблуждение огнеметанием в стороне от скрытно выполняемой задачи и др.

В качестве примеров децентрализованного боевого применения частей фугасных огнеметов могут служить боевые действия при штурме Познани, Бреслау, Вены, Кенигсберга, Берлина и др.

В частности, в Берлине фугасные огнеметы применялись чаще, чем в других городах. Это обусловливалось тем, что здесь более массово использовались противником фаустпатроны, значительно ограничивавшие действия наших танков, а сильный ружейно-пулеметный и снайперский огонь стеснял действия артиллерийских расчетов и выводил их из строя. Кроме того, ранцевые огнеметы имели значительно меньшую дальность огнеметания, поэтому огнеметчики не всегда могли сблизиться с целью на дистанцию выстрела. Одной из наиболее часто решавшихся огнеметами задач был поджог обороняемых зданий, чтобы снизить сопротивляемость противника или заставить его покинуть горящий объект.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что огнеметные части способны успешно решать многие боевые задачи во всех видах боя. Огнеметы повышали устойчивость обороны, способствуя срыву атак противника и обеспечивая контратаки наших подразделений. В наступательном бою огнеметные части поражали живую силу и огневые средства противника, срывали его контратаки и закрепляли захваченные рубежи.

Наибольший успех в боевых действиях достигался в тех случаях, когда огнеметные подразделения и части действовали в тесном взаимодействии со стрелковыми подразделениями, саперами, артиллерией и танками.

За годы Великой Отечественной войны отдельные батальоны и роты фугасных огнеметов уничтожили: живой силы – 18924 человека, танков, штурмовых орудий и бронетранспортеров – 362, дотов, дзотов и других огневых точек – 1409, различных укрепленных строений – 985, военных складов – 14, автомашин – 1409.

Большой вклад в сохранение живучести войск и важных тыловых объектов, осуществляя их маскировку дымом, внесли части и подразделения химической защиты.

Опыт боевого использования нейтральных дымов в годы Великой Отечественной войны показывает, что маскировка дымом уменьшала эффективность огневого воздействия противника, облегчая нашим войскам преодоление зоны действительного ружейно-пулеметного и артиллерийского огня, и содействовала успешному выполнению боевых задач. Кроме того, маскировка дымом давала наступающим возможность скрыть направление главного удара и дезориентировать противника относительно целей и характера действий.

Наиболее широко и часто нейтральные дымы применялись в ходе наступления, при форсировании водных преград и для маскировки тыловых объектов. Нейтральные дымы применялись всеми родами войск. Однако, как свидетельствует опыт войны, основную и решающую роль в применении дымов в целях обеспечения боевых действий войск и маскировки важных объектов тактического, оперативного и стратегического тыла играли подразделения и части химических войск.

Нейтральные дымы, как правило, применялись по решению общевойсковых командиров; использование дымов организовывалось штабами частей, соединений и объединений.

На начальников химической службы соединений (начальников химических отделов объединений) в части применения дымов возлагалось практическое руководство его организацией. В обязанности начальников химической службы (химических отделов) входило:

- отдача предварительных распоряжений на подготовку дымопусков;
- составление расчетов на потребное количество дымовых средств и сил для осуществления дымопусков;
- проведение рекогносцировки рубежей дымопуска и выбор разгрузочных пунктов для подразделений и частей, производящих дымопуск;
- согласование вопросов подготовки и осуществления дымопусков с действиями стрелковых, танковых частей и соединений и артиллерией;
- непосредственное руководство подготовкой и производством дымопусков.

В интересах обеспечения взаимодействия с артиллерией, танками, пехотой и авиацией штабами составлялся план, в котором отражались точно по времени начало и конец

артиллерийской подготовки, начало движения пехоты и танков в атаку, начало и конец дымопусков. Как правило, дымопуск производился по окончании артиллерийской подготовки.

Основным способом применения дымов являлась постановка дымовых завес. Дымовые завесы организовывались: по виду – фронтальные, фланговые и косые; по назначению – маскирующие, ослепляющие, отсечные и отвлекающие (ложные). Большинство дымовых завес ставились как маскирующие с неподвижных рубежей дымопуска.

Дымы как средство обеспечения применялись на всех этапах боя и операции. При этом наиболее характерными задачами применения дымов являлись:

в бою: обеспечение разведывательных действий; отвлечение огня противника от участка атаки; обеспечение действий штурмовых групп; ослепление опорных пунктов и огневых точек противника как на фронте атаки, так и на флангах атакуемого участка; обеспечение ввода в бой вторых эшелонов и резервов; обеспечение форсирования водных преград;

в операции: обеспечение разведывательных действий; обеспечение частных операций по захвату и расширению плацдармов и ликвидации плацдармов противника; обеспечение мероприятий оперативной маскировки; обеспечение разведки боем передовых батальонов; отвлечение внимания и огня противника от направления главного удара; обеспечение флангов ударной группировки; ослепление системы наблюдения и огня противника на участке прорыва; обеспечение ввода в прорыв подвижных групп, вторых эшелонов и резервов; маскировка маневра в глубине обороны противника и штурма крупных населенных пунктов; обеспечение форсирования крупных водных преград.

В начале 1942 г. для улучшения управления при выполнении оперативных задач дымовой маскировки часть батальонов химической защиты была сведена в бригады.

Применение маскирующих дымов для обеспечения боевых действий Сухопутных войск началось с первого периода войны. Так, в октябре–декабре 1941 г. 84 обхз Ленинградского фронта успешно выполнил задачу по постановке дымовых завес, обеспечивая действия 8-й и 55-й армий при форсировании р. Невы и ведении боев на захваченном плацдарме в районе Невской Дубровки.

Широкое применение частей химической защиты для дымовой маскировки важных

объектов имело место в конце лета 1942 г., когда 75 и 76 обхз, действовавшие в составе 62-й армии, совместно с подразделениями катеров-дымзавесчиков Волжской флотилии осуществили маскировку армейских переправ через р. Волгу в районе Сталинграда с 30 августа по 14 сентября.

Летом 1943 года было принято решение: сохраняя готовность обхз к выполнению мероприятий противохимической защиты, постоянно привлекать их к проведению дымовой маскировки боевых действий войск и важных тыловых объектов. С этой целью обхз были доукомплектованы специальными средствами дымопуска. Так, роты дегазации местности сыпучими дегазаторами получили Специальные дымовые прицепы СП-1 (позднее СП-2), а также дымовые сифоны, комплект которых включал бочки для дымовой смеси, баллоны со сжатым воздухом, трубопроводы и коллекторы с распылителями. Рота дегазации местности жидким дегазатором для дымопуска использовала свои табельные технические средства – машины АРС. В результате батальон, используя перечисленные средства дымопуска, был способен выполнить одну из следующих задач: поставить дымовую завесу на фронте 6–8 км (в зависимости от направления ветра), обеспечить маскировку одной-двух переправ через водную преграду или крупного тылового объекта при общей площади фактического задымления до 32 кв. км.

Для маскировки важных тыловых объектов от ударов авиации противника привлекались бригады химической защиты. Во всех случаях эта задача решалась в тесном взаимодействии с частями и соединениями ПВО.

Отдельные батальоны химической защиты, а в ряде случаев – и бригады, с 1943 г. привлекались к дымовой маскировке войск и объектов в наступательных операциях. В широких масштабах осуществлялось задымление армейских и фронтовых переправ. Так, например, 12 и 67 обхз Степного (в последующем 2-го Украинского) фронта успешно выполнили такую задачу при переправе главных сил фронта через р. Днепр 25 сентября 1943 г.

Аналогичные задачи выполняли 24 и 67 обхз при форсировании р. Прут войсками 2-го Украинского фронта в апреле 1944 г. и р. Дунай в ноябре–декабре 1944 г.

Об эффективности дымовой маскировки свидетельствует тот факт, что с июля 1943 г. по май 1945 г. на прикрываемые дымом армейские и фронтовые переправы 2-го Украинского фронта авиация противника произвела 10300 самолето-вылетов, сбросив более

26 тыс. фугасных бомб, и только в четырех случаях отмечены их незначительные повреждения.

В полосе 1-го Украинского фронта при форсировании р. Нейсе в апреле 1945 г. маскировку армейских переправ осуществляли четыре обхз, а переправу войск через р. Шпрее в глубине обороны противника прикрывали два обхз и 18-я бригада химической защиты (командир бригады подполковник В.В. Панков). В первый день Берлинской операции их силами дымовые завесы ставились на фронте протяженностью 292 км.

В ряде случаев обхз применялись для постановки дымовых завес и прикрытия ложных объектов по плану оперативной маскировки. Так, в октябре 1943 г. силами двух батальонов, действовавших в составе 40-й армии (начальник химического отдела подполковник В.И. Жив) и шести отдельных рот химической защиты дивизий в течение пяти суток прикрывались дымом армейские переправы в районе Букринского плацдарма, где имитировались сосредоточение и боевые действия танковой армии. С этой целью дымопуск осуществлялся на 13 участках общей протяженностью свыше 20 км с использованием табельных и подручных средств, что обеспечило скрытую передислокацию частей 3-й танковой армии с Букринского на Лютежский плацдарм.

С аналогичной задачей применялись обхз 2-го Белорусского фронта (начальник химического управления полковник Н.Ф. Успенский) в феврале 1945 г. Их силами осуществлялось дымовое прикрытие выхода частей 2-й ударной армии на фронте 12 км к р. Висла и демонстрация ее форсирования. При подготовке Берлинской операции три обхз 2-го Белорусского фронта в течение четырех суток задымляли ложный район сосредоточения войск общей площадью свыше 200 кв. км.

Такие действия химических войск в сочетании с другими мероприятиями оперативной маскировки в большей степени способствовали введению противника в заблуждения относительно направления главного удара фронта.

В течение войны совершенствовались организация и расширялись масштабы маскировки дымом крупных объектов тыла оперативного и стратегического значения. Только в течение 1943 г. дымом маскировались 69 объектов тыла, в их числе крупные промышленные объекты в Самаре, Нижнем Новгороде, Саратове, Электростали и др., 3 железнодорожных узла, 6 железнодорожных моста и 54 переправы. За этот период немецко-фашистская авиация совершила на маски-

руемые объекты 296 налетов, в которых участвовало свыше 2900 самолетов, сбросивших более 2 тыс. крупных фугасных бомб. Лишь 12 бомб достигли цели, причинив маскируемым объектам повреждения.

Применение отдельных батальонов и бригад химической защиты для маскировки дымом важных тыловых объектов армейского, фронтового и стратегического значения особенно возросло в последнем периоде войны. Так, если в первом и втором периодах (июнь 1941–декабрь 1943 г.) дымом маскировались 82 крупных тыловых объекта, то в 1944 г. число их увеличилось до 313.

К объектам стратегического значения, маскируемым бригадами химической защиты и техническими бригадами в системе ПВО в 1944–1945 гг., относятся более 60 важных железнодорожных узлов и станций, в том числе в Киеве, Нижнем Новгороде, Самаре, Сарнах, Невеле, Минске, Плоешти (нефтяные промыслы), Ковеле, Пскове, Смоленске, Торжке и др., а также 35 железнодорожных мостов.

Всего за годы Великой Отечественной войны дымами маскировалось более 560 важных тыловых объектов. На них было произведено свыше 3300 налетов авиации противника (до 31 тыс. самолето-вылетов), сбросившей около 33 тыс. бомб. При этом попадания в цель были отмечены лишь в 70 случаях, что составляет менее 2 % от числа авиационных налетов, совершенных на эти объекты, и только около 0,2 % от числа сброшенных на них крупных фугасных бомб.

Конечно, такие результаты нельзя отнести только за счет дымовой маскировки. Но бесспорно то, что она имела важное значение для предотвращения поражения объектов. В частности, известно, что в феврале–марте 1942 г. немецкая авиация дважды повреждала железнодорожный мост через р. Угру у разъезда Сергиев Скит, хотя он и прикрывался средствами ПВО. Но с апреля, когда мост стал прикрываться и дымом силами орхз, не было отмечено ни одного попадания в него, несмотря на продолжение интенсивных налетов авиации противника. То же наблюдалось и при маскировке дымами важного промышленного центра г. Саратова силами технической бригады (командир бригады полковник В.С. Березкин).

Таким образом, подразделения, части и соединения химической защиты Красной Армии за годы Великой Отечественной войны накопили богатый опыт в осуществлении задач дымовой маскировки в интересах обеспечения боевых действий войск и сохранения живучести важных тыловых объектов. Этот опыт поистине бесценен и

должен тщательно изучаться с учетом современных достижений науки и техники.

К 1945 году химические войска в составе РККА представляли собой 19 бригад (14 технических и 5 химзащиты).

Родина высоко оценила боевую деятельность химических войск и химической службы в Великой Отечественной войне. За образцовое выполнение заданий командования боевыми орденами было награждено 20 отдельных частей фугасных огнеметов, 12 отдельных батальонов и 10 отдельных рот

ранцевых огнеметов, а 40 огнеметных частей получили почетные наименования. С орденами лентами на боевых знаменах пришли к историческому Дню Победы 18 батальонов химической защиты, 11 батальонам были присвоены почетные наименования. Правительственных наград были удостоены свыше 70 % офицеров и генералов, более половины рядового и сержантского состава химических войск. Двадцати двум наиболее отважным воинам присвоено звание Героев Советского Союза.

Председатель правления Союза ветеранов войск РХБЗ МО РФ,
кандидат технических наук, профессор
генерал-лейтенант в отставке Ю.Н. Корякин

Для подготовки редакционной статьи были использованы следующие источники:

Кириллов ИА. Врагу «нахимичить» не позволили. *Красная звезда*. 07.05.2020.

URL: <http://redstar.ru/vragu-nahimichit-ne-razvolili/> (дата обращения: 08.02.2025).

Дмитриев ДМ, Якубов ВЕ. *Боевой опыт химических войск и химической службы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Сборник примеров*. М.: Воениздат; 1989. 232 с.

Иноземцев ВА, Рябкин ВМ. Вклад химических войск в победу в Великой Отечественной войне. 75-летие Великой Победы: исторический опыт и современные проблемы военной безопасности России. *Материалы 5-й Международной научно-практической конференции научного отделения № 10 Российской академии ракетных и артиллерийских наук: в 2 томах, Москва, 12 марта 2020 года. Том 2*. М.: Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана (национальный исследовательский университет); 2020. С. 367–77.

Супотницкий МВ. Отложенный апокалипсис. Почему Вторая мировая война не стала химической. *Офицеры*. 2011;(3):56–61.

Федулов СВ, Конеев АН, Свитнев ИВ. Немцы будут вынуждены применить газы, так как война не может быть доведена до желаемых результатов обычным оружием. Подготовка нацистской Германией химической войны против СССР. *Военно-исторический журнал*. 2024;(8):46–53.

Малинка АН, Анисимов АВ, Карташов АК. Химическое обеспечение войск в годы Великой Отечественной войны. *Вестник Костромского гос университета*. 2020;26(2):77–82.

Центральный архив Министерства обороны СССР, ф. 74, оп. 12308, д. 15, л. 9–11.

Бабушкин АВ. *Огнем разящие*. М.: Изд-во ДОСААФ; 1975. 104 с.

Смирнов АО, Полякова ГЮ, Мутасов ДЕ, Бондаренко ЭВ. Опыт применения дымов для маскировки боевых действий войск Красной Армии в годы Великой Отечественной войны *Вестник войск РХБ защиты*. 2023;7(2):187–200.

Химические войска Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: документы и материалы. Ин-т военной истории Министерства обороны Российской Федерации. СПб.: Европейский Дом; 2010. 567 с.

Метеорологическое обслуживание противохимической защиты в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: опыт и уроки Ленинградского фронта. Военная академия Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, Научно-исследовательский институт (военной истории), 44-й научно-исследовательский отдел (военной истории Северо-Западного региона РФ); Военная академия радиационной, химической и биологической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко. Санкт-Петербург: ГАЛАРТ+; 2018. 328 с.

Коршунов ЭЛ. Некоторые аспекты деятельности химических войск Ленинградского фронта в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. 2010;4(1):35–53.

Самольга ИА, Самольга ТА. Воины-химики Днепровской военной флотилии в боях за освобождение Советской Белоруссии. *Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения*. 2020;(4):48–54.

Якубюк СП. *Химические войска СССР в годы Великой Отечественной войны. Этим дней не смолкнет слава*. Сборник материалов VI Республиканской студенческой военно-научной конференции, посвященной Дню Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Гродно, 03 мая 2021 г. Гродно: Гродненский государственный медицинский университет; 2021. С. 263–5.